

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-27-32
УДК 323(045)

Ценностные ориентации и социальное самочувствие молодежи как фактор трансформации национально-государственной идентичности в России

В.В. Титов

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-9518-2171>

АННОТАЦИЯ

Данное исследование посвящено теме изменения российской национально-государственной идентичности под воздействием трансформации ценностных ориентаций и социального самочувствия молодежи. Методология работы выстраивается путем сравнительного анализа с вторичной обработкой данных социологических исследований ФОМ и ВЦИОМ. Выдвинутая автором гипотеза основана на допущении того, что ключевым фактором изменения ценностных и поведенческих установок российской молодежи служит не восприятие глобализирующейся культуры, а специфика социального самочувствия поколения молодых граждан нашей страны. Последнее согласно данным социологических исследований характеризуется наличием депрессивных элементов, формирующих неблагоприятные условия для развития ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации. Как показывают данные массовых опросов, образ коллективного прошлого построен, в том числе, на идеализации советского периода, наследие которого в значительной степени отрицается российскими элитами (поскольку этого требует легитимация существующей политической и экономической модели). Положительный образ будущего в массовом сознании либо отсутствует, либо, предположительно, подменяется конкурирующими по отношению друг к другу представлениями о возможности заимствования западноевропейской модели или реконструкции советского строя.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность; молодежь; ценности; поведенческие модели; образ прошлого; образ будущего

Для цитирования: Титов В.В. Ценностные ориентации и социальное самочувствие молодежи как фактор трансформации национально-государственной идентичности в России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(3):27-32. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-27-32

ORIGINAL PAPER

Value Guidelines and Social Well-being of Young People as a Factor in the Transformation of National-state Identity in Russia

V.V. Titov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9518-2171>

ABSTRACT

This study is devoted to the topic of changes in the national-state identity of Russians under the influence of the transformation of value orientations and the social well-being of young people. The work methodology is built through a comparative analysis with secondary processing of this sociological research by the POF and RPORC. The hypothesis put forward by the author is based on the assumption that the key factor in changing the value and behavioural attitudes of Russian youth is not the perception of the globalising culture but the quality of social well-being of the younger generation. According to the data of sociological studies, the latter is primarily characterised by the presence of depressive elements that form unfavourable conditions for the development of in-group favouritism and out-group

discrimination. As the data of mass polls show, the image of the collective past is built mainly on the idealisation of the Soviet period, the legacy of which is largely denied by the Russian elites (since this is required to legitimise the existing political and economic model). A positive image of the future in the mass consciousness is either absent or, presumably, replaced by ideas about borrowing the Western European model or reconstructing the Soviet system. The image of a significant other in the face of the West, despite the presence of confrontation between it and Russia, is seen as a more positive model from the point of view of ensuring social justice.

Keywords: national-state identity; youth; values; behavioural models; the image of the past; image of the future

For citation: Titov V.V. Value guidelines and social well-being of young people as a factor in the transformation of national-state identity in Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(3):27-32. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-27-32

ВВЕДЕНИЕ

Активное участие представителей молодежи (в том числе несовершеннолетних) в несанкционированных акциях протеста 2017–2021 гг., возникновение экстремистских организаций, рекрутирующих новых членов преимущественно за счет подрастающего поколения, признаки вытеснения светской гражданской идентичности конфессиональными и этническими моделями самоопределения в отдельных регионах и субъектах федерации — все эти факторы представляют собой серьезную угрозу для внутривнутриполитической стабильности РФ в долгосрочной перспективе.

При этом обозначенные источники риска объединяет специфика генезиса: в каждом случае важной предпосылкой запуска деструктивных социальных треков выступала трансформация ценностных установок молодого поколения, во многом обусловленная спецификой его социального самочувствия. Элементы обозначенной проблематики также тесно взаимосвязаны между собой с точки зрения парадигмальной основы: в каждом из упомянутых случаев девиация либо дивергенция порождается эрозией или искажением национально-государственной идентичности молодежи. Представители подрастающего поколения отторгают транслируемую старшими модель идентификации и делают выбор в пользу новых форм самоопределения. Последние выстраиваются во многом на основе отрицания господствующей идентичности и предполагают, в том числе, необходимость обструкции связанных с нею смыслов, ценностей и моделей восприятия и интерпретации политической и социальной действительности [1, 2], что ставит перед экспертным сообществом задачу определения движущих сил и трендов изменения соответствующего процесса.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Структурной основой национально-государственной идентичности являются символы, используе-

мые в рамках разнообразных ритуалов (социальных, политических, мемориальных и т.д.). Символы и связанные с ними ритуалы выступают в роли ресурса воспроизводства национально-государственной идентичности за счет того, что соответствующие культурные знаки представляют собой способ кодирования определенных ценностей, смыслов и детерминируемых ими моделей поведения. В силу этого идентичность выступает, в том числе, в роли системы координат, определяющих представление ее носителя о социальных нормах и девиациях, а также фактора, задающего образ его поведения в разнообразных ситуациях [3–5].

Наличие взаимосвязи между идентичностью, системой ценностей и обусловленной ею моделью поведения позволяет проследить процессы трансформации, эрозии или импорта идентичности в ключевые сопоставления бихевиористских и смысловых ориентаций у представителей различных поколений в структуре макросоциальной корпорации. При этом необходимо подчеркнуть, что в данном случае речь идет об устойчивых отличиях, не связанных с преимущественно возрастными особенностями восприятия [6–8].

Анализ данных социологических исследований за последние годы показывает, что между молодежью и представителями старших поколений существуют серьезные расхождения с точки зрения восприятия допустимости определенных форм поведения и приверженности ценностям. Опрос, проведенный ФОМ в ноябре 2020 г., показал, что для представителей российской молодежи в значительно большей степени, чем в целом в рамках общества, характерно признание незыблемости принципа свободы слова, даже в случае обсуждения табуированных и остросоциальных вопросов. В том числе это касается вопросов религии. Так, 38% молодых респондентов, оценивая события, связанные с терактом во Франции в результате демонстрации карикатур на пророка Мухаммеда, поддержали позицию президента Э. Макрона. По-

следний заявил, что Франция никогда не откажется от свободы слова, в том числе от права публиковать карикатуры на религиозные темы. Для сравнения, в целом по выборке точку зрения президента Франции поддержали лишь 23% опрошенных, а среди прочих возрастных групп соответствующий вариант ответа выбрали от 14 до 26%¹.

Меняются и многие стереотипные представления о традиционных гендерных ролях. Так, в ходе опроса, проведенного ВЦИОМ в феврале 2021 г., о необходимости комплектовать вооруженные силы исключительно мужчинами заявили лишь 55% респондентов в возрасте 18–24 лет (в целом по выборке данный вариант ответа отметили 68% опрошенных, среди представителей более старших возрастов — от 68 до 71%)².

Исследование ФОМ, проведенное в августе 2016 г., показало, что, по мнению 60% опрошенных в возрасте от 18 до 30 лет, современная молодежь значительно отличается даже от россиян, возрастная дистанция с которыми составляет около 10–15 лет, в первую очередь — в плане ценностей и традиций³.

Рост различий в ценностных и поведенческих установках между молодежью и представителями старших возрастов не сопровождается, однако, негативной стигматизацией молодого поколения в среде иных возрастных групп. Напротив, образ молодежи в общественном сознании трансформируется в позитивном ключе. В соответствии с результатами опроса ВЦИОМ, проведенного в августе 2020 г., за период 2014–2020 гг. доля респондентов, полагающих, что российской молодежи присуща в первую очередь агрессивность, уменьшилась с 44 до 34%. Число опрошенных, приписывающих молодому поколению цинизм, сократилось с 48 до 44%, эгоизм — с 49 до 39%, лень — с 57 до 45%, расточительность — с 57 до 51%⁴.

Таким образом, мы наблюдаем среди молодежи выраженную трансформацию ценностных и поведенческих установок, которая по своему содержанию не всегда соответствует смысловой «нагрузке» значительной части массовых представлений, обеспечивающих воспроизводство национально-государственной идентичности у более старших

поколений (вопросы, касающиеся армии и религии, мнения о свободе слова и т.д.). Симптоматично, что указанные отличия осознаются как собственно молодыми гражданами, так и представителями старших возрастов. Однако существенные расхождения в плане восприятия социально-политической реальности и обусловленные этим отличия в поведенческих стратегиях не порождают среди старших поколений острой неприязни по отношению к молодежи.

Объяснить данное противоречие можно лишь посредством обращения к вопросу о причинах трансформации ценностных установок молодежи.

Вульгарные объяснительные модели предполагают выделение в качестве определяющего влияния «вестернизации» — некритического импорта символической составляющей зарубежной культуры. Однако, по нашему мнению, данная позиция построена на абсолютизации данного фактора.

В действительности данные социологов позволяют выделить ориентацию молодежи на потребление преимущественно зарубежной культурной продукции. Однако такая модель потребительского поведения молодых россиян весьма селективна и наиболее ярко проявляет себя лишь в отдельных сегментах. В качестве наглядного ее примера можно привести данные относительно специфики кинопотребления в России. Опрос ФОМ, проведенный в ноябре 2020 г., показал, что 44% молодых респондентов предпочитают смотреть зарубежные фильмы, и лишь 10% отдают предпочтение российским. Для сравнения, в рамках всей выборки 44% опрошенных декларируют приоритетное внимание к отечественной кинопродукции, и лишь 16% заявили о преимущественном внимании к зарубежной продукции⁵.

Общеизвестно, что национально-государственная идентичность и различные ее вариации в значительной степени формируются массовой культурой. Именно это сфера деятельности генерирует большинство ценностей и смыслов, на повседневном уровне определяющих модель поведения большинства людей. Поэтому сфера массовой популярной культуры выступает в качестве своеобразного «инкубатора» лидеров общественного мнения, обладающих высоким уровнем узнаваемости на общенациональном уровне. И в данном случае необходимо констатировать существенное

¹ Теракты во Франции. URL: <https://fom.ru/Mir/14496>.

² О настоящих мужчинах. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nastojashchikh-muzhchinakh>.

³ Молодежь о молодежи. Молодежь говорит о своих особенностях и о трудностях в жизни. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/12832>.

⁴ Молодая Россия: автопортрет и взгляд со стороны. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10401>.

⁵ Кино: предпочтения россиян. Что людям нравится и что не нравится в современном российском кино. URL: <https://fom.ru/Kultura-i-dosug/14491>.

влияние западных смыслов и установок поведения на повседневные идентификационные ориентиры значительного числа молодых россиян.

Однако гипотезу о том, что культурный нарратив зарубежного происхождения полностью определяет ценностную ориентацию молодежи, опровергает обращение к социологическим данным относительно восприятия российской молодежью отдельных знаковых событий национальной истории.

Например, среди представителей поколений Y и Z достаточно выражены позитивные реминисценции по поводу советского прошлого. Так, в ходе исследования ВЦИОМ, проведенного в январе 2016 г., 70% респондентов в возрасте 18–24 лет (т.е. речь идет о «зумерах», так называемой «молодой молодежи») заявили о том, что В.И. Ленин действовал в интересах общества в целом или большинства его членов. Опрос, датируемый июлем 2017 г., показал, что 77% молодых опрошенных поддерживают идею создания памятных знаков, прославляющих «государственные успехи Сталина»⁶. Позитивная оценка упомянутых политических лидеров коренным образом противоречит содержанию нарратива популярной культуры «коллективного Запада», что само по себе опровергает предположение о доминирующем, своего рода «безальтернативном» влиянии импортируемой популярной культуры на систему ценностей и национально-государственную идентичность российской молодежи.

Соответственно, трансформация ценностных и поведенческих моделей молодежи обусловлена иными факторами. Согласно выдвинутой нами гипотезе в качестве движущей силы данного процесса выступает социальное самочувствие молодежи.

В ходе опроса ФОМ, проведенного в сентябре-октябре 2014 г., 56% молодых респондентов заявили о том, что представителям их поколения сложно реализовать себя в текущих условиях (в целом в рамках выборки эту позицию продекларировали 67% опрошенных). При этом чаще всего в качестве факторов, мешающих молодым людям добиться успеха в жизни, упоминались объективные обстоятельства социально-экономического характера: проблемы с трудоустройством (27%), бедность (11%), рост удельной доли коммерческого сегмента в системе образования (7%) и т.д.⁷

Результаты более поздних опросов также указывают на отсутствие позитивной динамики в восприятии молодежью собственного социального статуса и жизненных перспектив. В ходе исследования ФОМ, проведенного в августе 2016 г., примерно две трети респондентов в возрасте от 18 до 30 лет выразили мнение, что представителям молодежи сложно добиться успеха в жизни и реализовать себя (противоположной точки зрения придерживались 22% опрошенных). При этом наличие соответствующих барьеров в большинстве случаев участники вопроса связывали с объективными *факторами социально-экономического характера* (22% упомянули бедность, 9% — коррупцию и nepoтизм, 9% — расширение сегмента коммерческого образования на фоне сокращения доступности бесплатных услуг в педагогической сфере и т.д.)⁸.

В ноябре 2020 г. ФОМ был проведен опрос относительно возможностей самореализации, доступных гражданам нашей страны и жителям отдельных ее регионов. Исследование показало, что 45% молодых респондентов хотели бы переехать на территорию другого субъекта федерации (в целом по выборке этот вариант ответа выбрали 29% опрошенных). Чтобы корректно интерпретировать эти данные, необходимо учитывать качество влияния переезда в другой регион на повседневную жизнь молодого человека. В результате этого решения он утрачивает связь с привычным социальным окружением в лице родных и друзей, лишается доступа к большинству форм материальной поддержки с их стороны и оказывается в положении, когда у его сверстников из числа коренных жителей конечного пункта миграции возникают серьезные конкурентные преимущества (отсутствует необходимость в найме жилья, имеется разветвленная система связей и т.д.). Таким образом, в случае наличия приемлемых условий для жизни в регионе постоянного проживания молодой человек должен быть в целом слабо мотивирован к миграции (исключения составляют лишь особо мотивированные личности с серьезными амбициями, общая доля которых в структуре любого сообщества всегда относительно невелика). В связи с этим можно предположить, что аномально высокий уровень миграционных устремлений среди представителей молодежи обусловлен тем, что почти каждый второй представитель подрастающего поколения рассма-

⁶ Ленин жил, Ленин жив, Ленин...? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=298>; Память о Сталине: за и против. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116323>.

⁷ Легко или трудно живется молодым. Легко или сложно молодежи в нашей стране добиться успеха? URL: <https://fom.ru/TSennosti/11749>.

⁸ Молодежь о молодежи. Молодежь говорит о своих особенностях и о трудностях в жизни. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/12832>.

тривает условия жизни в «домашнем» регионе как неприемлемо низкие для себя. Исследование ФОМ, проведенное в октябре 2020 г., показало, что 36% молодых респондентов предпочитают «не жить одним днем» и ориентированы на будущее (в рамках всей выборки соответствующий вариант ответа отметили 25% опрошенных). Однако при этом 79% представителей молодежи заявили о том, что, по их мнению, текущая ситуация в России в принципе неблагоприятна для планирования будущего (средний показатель по выборке — 68%)⁹.

Гипотетически рост социального пессимизма как среди россиян в целом, так и среди молодежи, существенным образом подкрепляет фиксируемое социологами снижение чувства безопасности в повседневной жизни, связанное с ростом агрессии со стороны окружающих. По данным ФОМ, за период 2013–2019 гг. серьезно выросла доля граждан, сталкивавшихся в рамках бытовых ситуаций с различными проявлениями агрессии. Причем наибольший прирост этого показателя был зафиксирован в одном из наиболее материально благополучных регионов России — Москве. За обозначенный период удельная доля респондентов, сталкивавшихся за последние несколько лет с проявлениями грубости и хамства, выросла с 43 до 55% (в Москве — до 65%). Число опрошенных, сталкивавшихся с нападениями и драками, увеличилось вдвое, с 8 до 16% (в столице РФ — до 29%)¹⁰.

Исследование ФОМ, датируемое октябрём 2020 г., позволило установить, что 61% респондентов расценивали устройство российского общества на тот момент как несправедливое (противоположной точки зрения придерживались 24%). При этом в случае молодежи наблюдалось наличие специфических установок. С одной стороны, ее представители рассматривали в качестве более справедливой социальную модель западноевропейских государств (воспринимаемую многими молодыми людьми как позитивный образ будущего). О более справедливом характере западноевропейского общественного устройства заявили 38% молодых респондентов (против 27% в целом по выборке). Большую справедливость российской системы социальной организации отметили 34% молодых опрошенных. В то же время 48% респондентов, относящихся к данной

возрастной группе, заявили о том, что советское общественное устройство в период 1970–1980-х гг. было более справедливым, нежели современная российская модель (противоположную точку зрения продекларировали 34% молодых опрошенных). Таким образом, существующая на данный момент модель общественного устройства в глазах молодежи по степени справедливости уступает основным альтернативам, формирующим как образ прошлого, так и систему позитивных представлений о возможном будущем¹¹.

ВЫВОДЫ

Можно резюмировать, что социальное самочувствие молодежи свидетельствует о наличии неблагоприятного психоэмоционального фона, способствующего размыванию у представителей молодого поколения ценностно-смысловых и символических оснований выстраивания национально-государственной идентичности [9–12]. Образ коллективного прошлого построен в значительной степени на идеализации советского исторического периода, символическое, политическое и социальное наследие которого представляет несомненную важность и могло бы служить одним из императивов кристаллизации общенациональной российской идентичности, но во многом отторгается российским истеблишментом. Позитивный образ коллективного будущего в сознании «миллениалов» и «зуммеров» либо отсутствует, либо подменяется представлениями о возможности заимствования западноевропейской модели или реконструкции советской системы в ее некотором модифицированном варианте. При этом парадоксально, что образ значимого другого в лице «коллективного Запада» (при всем сдержанном отношении к ценностям «западного мира») все же рассматривается значительной частью российской молодежи как более положительный именно с точки зрения обеспечения социальной справедливости.

Таким образом, сохранение негативного тренда социального самочувствия молодежи способствует дисфункции системы массовых представлений, обеспечивающих устойчивость и воспроизводство национально-государственной идентичности. В перспективе данная ситуация будет неизбежно способствовать дальнейшему усилению кризисной динамики существующей модели национально-государственной идентичности.

⁹ Планы на будущее. Об уверенности в завтрашнем дне и пользе долгосрочных планов. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14483>.

¹⁰ Чувство безопасности. Об ощущении безопасности в темное и светлое время суток и о самых опасных местах. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14291>.

¹¹ Справедливость и несправедливость. Справедливо ли устроено наше общество? Как часто люди сталкиваются с несправедливостью? URL: <https://fom.ru/TSennosti/14469>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лубский Р.А. Проекты nation-building и формирование национально-государственной идентичности в России. *Социально-гуманитарные знания*. 2014;(7):35–41.
2. Герштейн И.З., Казаков М.А. Национально-государственная идентичность: историческая эволюция моделей и современная типология. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2016;(6):36–42.
3. Евгеньева Т.В. Историческая память и национально-государственная идентичность в современной России. *Ценности и смыслы*. 2012;(5):27–36.
4. Замаева Е.И. Проблема национальной идентичности в условиях глобализации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2013;(3):129–136.
5. Регнацкий В.В. Национально-государственная идентичность в России: теоретическая модель изучения. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2015;(1):39–46.
6. Комаровский В.С. Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности и формированию гражданской нации России. *Власть*. 2017;(1):5–11.
7. Кашаф Ш.Р. Полисубъектное конструирование национально-государственной идентичности в новых границах политического сообщества России: крымский казус. *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2014;(2):64–71.
8. Edelman M. Myths, metaphors and political conformity. *Psychiatry*. 1967;(3):217–228.
9. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behavior. The psychology of intergroup relations. Chicago: Hall Publishers; 1986.

REFERENCES

1. Lubskey R.A. Projects nation-building and the formation of national-state identity in Russia. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*. 2014;(7):35–41. (In Russ.).
2. Gershtein I.Z., Kazakov M.A. National-state identity: historical evolution of models and modern typology. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2016;6:36–42. (In Russ.).
3. Evgenieva T.V. Historical memory and national-state identity in modern Russia. *Tsenosti i smysly = Values and meanings*. 2012;(5):27–36. (In Russ.).
4. Zamaraeva E.I. The problem of national identity in the context of globalisation. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2013;(3):129–136. (In Russ.).
5. Regnatsky V.V. National-state identity in Russia: A Theoretical Model of Learning. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2015;(1):39–46. (In Russ.).
6. Komarovskiy V.S. Poverty and inequality as challenges to national-state identity and the formation of the civil nation of Russia. *Vlast' = Power*. 2017;(1):5–11. (In Russ.).
7. Kashaf Sh.R. Multisubjective construction of national-state identity in the new borders of the political community of Russia: Crimean incident. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasian Legal Bulletin*. 2014;(2):64–71. (In Russ.).
8. Edelman M. Myths, metaphors, and political conformity. *Psychiatry*. 1967;(3):217–228.
9. Tajfel H., Turner J. The social identity theory of intergroup behaviour. The psychology of intergroup relations. Chicago; 1986.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктор Валериевич Титов — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия VVTitov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Victor V. Titov — Cand. Sci. (Political Sciences), Senior Researcher, Department of Political Sciences, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University Moscow, Russia VVTitov@fa.ru

Статья поступила 25.03.2021; принята к публикации 10.04.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 25.03.2021; accepted for publication on 10.04.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.